

Принимаю ответственность на себя

Старая болезнь, давненько не дававшая о себе знать, вцепилась в него как всегда неожиданно и не вовремя. Некогда было болеть Никоненко – руководителю производственно-диспетчерской службы по обустройству Медвежьего месторождения – в этот сумасшедший период начала строительства установок комплексной подготовки газа, ввода в эксплуатацию скважин, монтажа газопроводов.

Анатолий ЛУЧНИКОВ
Фото из семейного архива
Ивана Никоненко

«Доигрался ты, Иван, мотаясь по промыслам да по трассам по 18 часов в сутки», – Никоненко достал градусник. Красный столбик упёрся в деление 40. Тело было лёгким, невесомым, во рту сухо, как в пустыне, кружилась голова.

Незаметно он провалился в сон, а точнее в забытьё, и его закружило в водовороте кошмарных видений. Вот колонна «Уралов», груженных под завязку, спускается с высокого берега и начинает пересекать реку по ледовой переправе. Иван видит их как бы с высоты и кричит:

– Туда нельзя, мужики! Лёд тонкий, провалитесь!

Но не слышат его водители и продолжают движение. И вот первая машина, будто споткнувшись, резко уходит, ломая лёд, в чёрную майну. За ней вторая, третья...

Следующий кадр этого фильма ужасов – рушится буровая вышка, охваченная пламенем. Со страшным грохотом падает она на заснеженную тундру, и куски искорёженного, оплавленного металла разлетаются вокруг на сотни метров. Из устья скважины выры-

вается ревуший факел и огненным столбом вонзается в багровые небеса. А над всем этим ужасом дико хохочет жуткий демон Нга, вырвавшийся из своего подземного узилища:

– Не отдам я вам своих богатств! Вы слабые и беззащитные существа, и вам не одолеть меня-а-а!..

Из этой чертовщины его вырвал телефонный звонок. Голос в трубке не узнать было невозможно – Владислав Стрижов:

– Знаю, что тебе плохо, но у нас большие проблемы – повредило коренную задвижку на скважине. Сам понимаешь, чем это грозит. Французская арматура – мать их растак и разэдак!.. Я тебя прошу, посмотри, что там можно сделать. Хотя бы просто побудь там, а то дров могут наломать. Никому другому доверить не могу, а сам сейчас далеко, не успею. Выручай!

Когда обычно властный и требовательный царь и бог «всея Надыма и Медвежьего» – начальник «Надымгазпрома» – говорит с такими просительными интонаци-

Иван Никоненко

ями, значит, действительно дело табак и нужно срочно принимать меры.

Наглотался Никоненко лекарств и выехал на место аварии.

Около часа совещались со специалистами и наконец приняли единственно правильное на тот момент решение. Иван позвонил Стрижову:

– Владислав Владимирович, есть только один вариант. Открыть скважину, в атмосферу стравить газ, сбросить давление. Без этого глушить нельзя, может взорваться.

– Но ты уверен, что скважина закроется?

– Все спецы сидят рядом, и все считают, что закроется.

– Но ты берёшь на себя ответственность?

На том и сошлись. Никоненко, удалив людей на безопасное расстояние, открывает скважину на выброс. Две, три, десять секунд проходит. Сердце барабанит в ушах, как тамтам, кровь отхлынула от лица. Через 15 секунд наступила оглушительная тишина – клапан-отсекатель закупорил скважину.

Скважину «вылечили», теперь можно и о своём здоровье подумать. Стрижов прислал вертолёт, Никоненко отправили в больницу. Хотя это громко сказано – в больницу. Там две койки и стол, покрытый дерматином, на него и положили. Хирург сказал:

– Надо резать. Терпи. Только привяжем, не обессудь.

Обкололи обезболивающими, располосовали. Потом ещё три дня интенсивно мучили, но через неделю поставили на ноги. И снова – принимаю ответственность на себя!

Подобные испытания происходили в жизни Ивана Никоненко довольно часто. Их было столько, что хватило бы и десятку людей. Казалось, что судьба специально испытывала на прочность выносливого, жилистого крестьянского сына, от отца и матери унаследовавшего сильный характер, силу духа и удивительное жизнелюбие.

Одни от превратностей судьбы впадают в апатию, другие озлобляются на всех и вся, третьи становятся неимоверно хитрыми или подлыми. Иван Никоненко от каждой оплеухи жизни становился сильнее, честлюбивей, мужественней, а ещё требовательней к себе. Он, как настоящий спортсмен, всегда борющийся до конца дистанции, до последней минуты тайма, до финального гонга, никогда не пасовал перед трудностями, не опускал руки в минуты отчаянья и всегда выходил победителем из любых поединков с жизнью.

Сын «врага народа»

Ещё не родившись, Иван был обречён на полуголодное существование, на тяжёлую, полную лишений и страданий долю сына «врага народа». В октябре 1937 года, за полгода до рождения сына, Спиридона Никоненко арестовали. Ничто не спасло: ни боевые заслуги его, командира кавалерийского эскадрона, а затем начальника уездной милиции, не щадившего жизни в борьбе за советскую власть, ни добросовестная работа председателем колхоза. Замучили на допросах, выбили показания, сфабриковали дело и осудили по 58-й статье. Вернуться домой, порадоваться долгожданному сынишке Спиридону было не суждено – он умер в одном из сибирских лагерей ГУЛАГа.

С клеймом «враг народа» прошёл Иван через детство и юность. Больше полувека минуло с той горестной, страшной поры, но до сих пор осталась затаённая в сердце саднящая боль и безответный вопрос: за что им это всё досталось? И ещё никак не может понять, как его мать смогла перенести столько мук, выжила и детей сохранила, как и обещала мужу,

когда его заталкивали в «воронок» и увозили в неизвестность, а точнее, навстречу смерти.

Осталась Анна тогда с больной матерью, с тремя детьми – дочерьми Клавой и Людой да новорождённым Иваном – без крыши над головой, без вещей – всё нажитое честным тяжёлым трудом было реквизировано «властью народа»...

– Признавайся, стерва, что твой муж участвовал в контрреволюционном заговоре, создавал подполье для борьбы с советской властью, – следователь ударил женщину в ухо, сбил её с ног.

Из ушей и носа полилась кровь. При виде её палач совсем потерял голову и стал бить с остервенением, пока Анна не потеряла сознание. Её допрашивали 12 часов, заставляли оговорить мужа, но мужественная женщина вынесла все побои и издевательства, не порадовала изуверов.

Господи, откуда берутся такие нелюди – избивать до полусмерти только что родившую женщину, ребёнок которой заходится от крика в соседней комнате?!

Мать выходили тогда добрые люди, помогли на первых порах, хоть и сами впроголодь жили.

Хлебнула лиха семья Никоненко без отца и мужа. Анна крутилась как могла с рассвета до заката, лишь бы прокормить детей да старуху мать. Питались в основном тем, что росло на огороде, да тем, что собирали в лесу. А если удавалось выручить немного денег, продав на базаре рыбу, пойманную соседом, покупала детям что-нибудь из одежды, которая переходила от одного ребёнка к другому. Как бы ни было трудно, сколько бы слёз ни пролила она по ночам, не сломалась Анна, не опустила руки, хотя страшная мысль – свести счёты с жизнью

– пару раз посещала. Однажды на базаре бездетная обеспеченная семья врачей предложила ей взять Ивана на воспитание. Так ведь не отдала, хоть нужда крепко взяла за горло.

А как они выжили в годы военного лихолетья, одному Богу известно. В феврале 1942 года, когда немцы вошли в Андреевку, начались массовые регулярные расстрелы. Людей выгнали из домов, перебили всю живность. Никоненки поселились в плохоньком сарайчике на задах усадьбы. Зарывались в солому, прижимались друг к другу, чтобы не замёрзнуть, – холода были лютыми. Время как будто остановилось, а люди словно впали в анабиоз от холода, голода, унижений и неизвестности. Одна только мысль теплилась в сердцах – вернётся Красная Армия и перебьёт фашистов и изуверов полицаев.

Казалась, большего горя уже не может быть, но где он, предел страданий? В июне вместе с другими парнями и девушками угнали в Германию семнадцатилетнюю Клаву. Когда эшелон с ними отошёл от перрона, над Андреевкой раздались такие душераздирающие крики и стоны, каких в этих краях, наверное, не слыхивали со времён монголо-татарского ига.

Первые воспоминания детства у Ивана относятся именно к военной поре. Он вошёл в то горестное время малолетним несмышлёнышем, а вышел почти повзрослевшим (в десять-то лет!) человеком, немало понявшим и повидавшим. Он мог стать кем угодно: вором, хулиганом, бандитом. Таким было время, окружение, обстановка, когда было нужно выживать. Вместе с другими мальчишками – такими же сиротами и безотцовщиной – совершал набеги на чужие сады и огороды, по мелочам таскал то, что

можно было съесть, у зазевавшихся торговков в базарный день.

У него не было не только отца, но и старшего брата. На их заступничество, как некоторые его сверстники, он рассчитывать не мог. С малых лет Иван учился свой путь в жизни прокладывать кулаками. Иначе было не выжить, иначе бы сломали и растоптали. Может, именно тогда закладывалась и крепла в его характере та настырность в достижении цели, которая с годами превратилась в жизненную силу, что помогла утвердиться на земле?

Очень памятный и знаковый случай произошёл с Иваном в одну из послевоенных зим. Много волков развелось в те годы. Голодные звери наводили ужас на всю округу. Мать, отпуская сына гулять, не раз, как заклинание, говорила ему:

– Если встретишь волка, надо лечь лицом вниз, не шевелиться, даже не дышать. Он подойдёт, обнюхает, даже может помочиться на тебя, чтобы место отметить, а ты терпи, не шевелись. Он подумает, что мёртвый, и уйдёт. Иначе будет беда.

Говорила мать на всякий случай, для порядка, но это произошло.

Как-то катался Иван за окoliцей с небольшой горки на самодельных лыжах. Так увлёкся, что не заметил, как ребята все разошлись. Тогда и он решил идти домой, но захотелось скатиться ещё разок. Лыжи остановились у самой опушки леса. Иван поднял глаза и замер от ужаса. Прямо перед ним, метрах в трёх, стоял матёрый волчище. Он, не мигая, смотрел прямо на мальчика, а тот, забыв все материнские наставления, уставился в звериные глаза. Казалось, волк с любопытством осматривал беззащитного тощего шкета в залатанном пальтишке, у которого одеревенели ноги, а во-

лосы встали дыбом, и решал, что с ним делать.

Это продолжалось какие-то мгновения, но они показались вечностью. Волк отвернулся и неторопливо потрусил в сторону леса. То ли не выдержал зверь взгляда, то ли голодным не был в тот момент, но факт есть факт – не растерзал хищник пацана.

Когда Ваня прибежал домой и рассказал матери, она была в ужасе и плакала, прижимая к себе сына. Когда успокоилась, то задумчиво сказала:

– Волк тебя потому не тронул, что за своего, видно, признал. Уж больно характер у тебя настырный, да и хватка уже сейчас чувствуется сильная, прямо-таки волчья. Всегда тебе надо своего добиться, чтоб обязательно по-твоему было.

Жизнь после окончания войны тоже была полна лишений и бед, но постепенно всё налаживалось. Потухшая, придавленная грузом повседневных проблем и борьбой за выживание, мать в одночасье словно очнулась от забвения и даже помолодела, когда вернулась домой чудом спасаяся на чужбине Клава.

Иван, закончив семилетку, начал работать. Сначала ездил в Харьков, где устроился на завод «Вторчермет» учеником огнерезчика. Это была ещё та работёнка! Мало того, что нужно было подниматься ни свет ни заря, чтобы успеть добраться от Андреевки до Харькова, так ещё и норма выработки была невероятной – 12 тонн металла нужно было порезать за смену. Хоть и крепок был Иван, но при таких нагрузках ни на что другое сил не оставалось. А он очень хотел учиться, да и мать мечтала, что её сын станет образованным человеком. Когда продолжил учебу, поступив в вечернюю школу, подвернулась работа полегче – учеником фре-

зеровщика на Харьковском электромеханическом заводе, а потом и в Андреевке удалось устроиться на асфальтобетонное предприятие разнорабочим третьего разряда.

Потом была армия, служба в радиотехнических войсках. После увольнения в запас работал электромонтёром-линейщиком на монтажном участке треста «Донбасэлектромонтаж». В то время как раз начиналось бурное развитие электротяги на железнодорожном транспорте. И зашагал Иван со своей бригадой по стране от опоры к опоре, монтируя ЛЭП. Когда освоил подъём на мачты и работу на высоте, получил специальность верхолаза. Обзор сверху был такой, что дух захватывало, – и видно далеко, и горизонты шире. Вот тогда-то и окрепло решение продолжать учёбу, доказать себе и людям, что он, деревенский парень, способен на большие дела. Честолюбие – великая движущая сила!

Где родился, там и пригодился

Конкурс на радиофизический факультет Харьковского государственного университета был 12 человек на место. Программа обучения на этом факультете была очень сложной. Многие не выдерживали нагрузки и уходили в другие вузы. При поступлении был большой отсев по анкетным данным, и для Никоненко – сына «врага народа», хоть и реабилитированного, – это был большой барьер.

Но честолюбивого и способного к наукам парня все эти трудности только раззадоривали. В итоге он стал одним из ста зачисленных на факультет.

Студенческие годы пролетели быстро. Они были заполнены лекциями, лабораторными заня-

тиями, семинарами. По вечерам всей коммуной из двенадцати человек (именно столько их жило в комнате общежития) ходили на овощебазу разгружать вагоны. Вернувшись, готовили ужин из продуктов, присланных из дома или прихваченных с базы. Летом ездили в стройотряды, чтобы подзаработать денег. На третьем курсе встретил Иван свою первую любовь. Людмила тоже училась в ХГУ, но на филологическом факультете. Родом она была из небольшого городка Купинска под Харьковом. В семье трое детей, она старшая. Родители работали на сахарном заводе. Особого достатка у них тоже не было.

Когда решили пожениться, то свадьбу сыграли в общежитии. Невеста была без фаты, жених в сборном костюме: кто пиджак, кто брюки, кто галстук одолжил. Да и стол был небогатым: фрукты и овощи с базы, немного колбасы, домашнее сало и несколько бутылок вина. Но все веселились от души, пели, танцевали под аккомпанемент Людмилы – она здорово играла на аккордеоне...

Судьбоносный поворот произошёл в жизни Ивана после окончания университета. Ещё на первых курсах он прибил к кафедре квантовой радиофизики и с увлечением занимался лазерными установками. Лазерная техника в то время являлась совершенно новым направлением в отечественной науке.

При распределении Никоненко получил направление в закрытый (секретный) научно-исследовательский институт, находящийся в подмосковном Зеленограде. Его в то время предполагалось противопоставить американской Силиконовой долине – крупнейшему центру по разработке и производству электронно-вычис-

лительных машин и компьютерной техники. Распределение, можно сказать, в саму Москву считалось весьма престижным. Но это была одна сторона медали. А другая выглядела довольно неприглядно: зарплата мизерная, да ещё нужно было за съёмную квартиру платить – НИИ не предоставлял даже комнаты в общежитии. Как ни крути, в таких условиях ему семье не поднять. Памятя мудрую поговорку «где родился, там и пригодился», Иван принял решение возвращаться в родные края. Правдами и неправдами он получил-таки новое распределение в Шебелинское газопромышленное управление, расположенное рядом с Андреевкой. Так и началась его газовая эпопея, насчитывающая уже сорок лет.

Шебелинское газоконденсатное месторождение в начале 60-х было одним из крупнейших в стране. Ежегодная добыча природного газа здесь превышала тридцать миллиардов кубометров – почти треть от общесоюзной добычи. На месторождении использовались передовые по тому времени достижения науки и техники как при организации добычи, так и при подготовке газа. Централизация технологической аппаратуры и оборудования высокой пропускной способности позволяла эффективно применять средства тогдашней автоматизации и телемеханизации.

В Шебелинском ГПУ Иван начал работать инженером службы контрольно-измерительных приборов и автоматики, а вскоре, после непродолжительного испытательного срока, дотошного молодого инженера, досконально изучившего за короткое время все секреты добычи и подготовки газа, с увлечением занимавшегося автоматизацией этих процессов,

назначили руководителем службы КИПиА.

В 1965 году произошла встреча, которая и определила дальнейшую жизнь молодого газовика. В Шебелинку за опытом приехал начальник технического отдела Игримского ГПУ Михаил Морозов. После того как Никоненко познакомил сибирского коллегу со всеми новшествами, в том числе и со своими, уже внедрёнными в производство, Морозов заметил:

– Ты, Иван Спиридонович, вижу, не только в автоматизации силён, но и во всём технологическом процессе разбираешься.

– Так специалист по автоматизации должен знать вопросы производства лучше технолога, – ответил Никоненко. – Иначе его работа будет неэффективна.

По окончании «экскурсии» по промыслу, в ходе которой Иван дал много дельных советов бывалому тюменскому газовику, тот, прощаясь, сказал:

– Ты, парень, широко мыслить. Не хотел бы у нас поработать? Должность начальника цеха научно-исследовательских и производственных работ в «Игримгазе» гарантирую. Оклад двести рублей, плюс северный коэффициент. Да и не только в деньгах дело. Наверное, сам уже понял, что центр газодобычи к нам, на Тюменский Север, смещается. Ты молодой, способный, тебе перспектива нужна.

Предложение Морозова заставило Ивана всерьёз задуматься. С одной стороны, было предубеждение против Сибири как места, где погиб безвинно осуждённый отец, с другой – что-то подсказывало ему, что там, за Уралом, где начинаются великие дела, должна состояться его судьба.

Жена Ивана поддержала сразу, а вот с матерью было сложнее. Она считала, что от добра добра

не ищут, а в Сибирь добровольно никто не едет. Не обошлось без слёз и уговоров, но Иван стоял на своём:

– Вы же сами говорили, мама, что я упёртый, как и отец. А ведь известно: вода не портится, только когда течёт. Там, в Сибири, происходят такие великие открытия, изменения! Там огромные запасы нефти и газа, будут современные города. И я чувствую, что моё место там!

Вот ты какая, Сибирь!

До Игрима Иван с Людмилой добирались чуть ли не две недели. Почти всё это время они просидели в тюменском аэропорту – то не было мест на самолётах, то погоды. Дни до вылета провели на газетах, положенных на пол в аэровокзале, больше им устроиться было негде.

Игрим поразил начинающих северян своей обжитостью, развеял их представление о Сибири как о дикой глухомани, проклятой Богом и людьми. Жители Игрима были приветливы и доброжелательны. Обустраивались здесь кто как мог, но основательно, на долгие годы. Больше всего Иван удивился тому, что почти у каждого дома был огород, на котором росли картофель и некоторые овощи.

– Тю, дурной, – сказал он тогда. – Зачем я пошёл на уговоры и тащил через полстраны тяжеленный чемодан картошки с материнского огорода.

Встретили их радушно. Начальник управления Гаценко помог с жильём, нашёл полвагончика. Стали устраиваться на новом месте, обживаться. Ивана, как и было обещано, назначили начальником цеха научно-исследовательских и производственных работ. Жена устроилась в школу, учила русскому языку и литературе, а поскольку она хорошо играла на аккорде-

оне, то вела ещё и музыкальный кружок.

С большим интересом начал работать в новой должности Никоненко. Он был молод (ещё не вышел из комсомольского возраста), крепко физически, имел много задумок по модернизации производства.

Берёзовская группа месторождений – Игримское, Пунгинское, Похромское – обустроивалась невиданными ранее темпами, здесь апробировались и внедрялись многие новшества в строительстве газовых промыслов, в технологии добычи углеводородного сырья, которые затем были использованы при освоении подземных кладовых-гигантов Медвежьего, Уренгойского, Ямбургского. Из «Игримгаза» вышла замечательная когорта талантливых газовиков: операторов, инженеров, руководителей крупнейших предприятий газовой промышленности.

Именно там, в Игриме, Пунге, Иван Никоненко состоялся и как газовик высшей пробы, и как крепкий хозяйственник. В конце 1966 года, спустя всего полгода после приезда, он был назначен заведующим Пунгинским газовым промыслом – первым в Западной Сибири.

Много вопросов стояло тогда перед руководителем и коллективом газодобытчиков. Выдержит ли металл такие резкие перепады температуры воздуха? Как будет работать промысел в условиях большой влажности, заболоченности территории? Как будут работать средства автоматики и контрольно-измерительные приборы? До какой оптимальной остаточной концентрации влаги необходимо осушать на северных промыслах газ, чтобы обеспечить его транспортировку, предупредить образование ледяных пробок в магистрали? Какие условия надо создавать обслуживающему

В рабочем кабинете

персоналу на рабочих местах, как обустроить быт людей?

Там, на Пунге, Никоненко впервые и всерьёз осознал, что руководитель – это не только отличный специалист своего дела, но и организатор коллектива, умеющий в любой ситуации принять правильное решение, а в трудную минуту засучить рукава и выполнить задачу, с которой не смогли справиться подчинённые, или это связано с опасностью для жизни. Именно в то время и выработалось у него жизненное кредо – в сложной ситуации принимать ответственность на себя.

Отвечать заведующему промыслом приходилось буквально за всё – от добычи газа до заготовки сена для подсобного хозяйства. Любой руководитель северного газодобывающего комплекса, осо-

бенно в те времена, когда опыта не хватало, технологии только разрабатывались и внедрялись, не мог жить спокойно и постоянно находился в состоянии затаённой тревоги – с хранителями подземных богатств нужно было держать ухо остро, а не то...

Тревожный звонок раздался под утро. Ещё не взяв трубку, Никоненко понял: случилось ЧП.

– В шлейфе упало давление, – доложил взволнованный диспетчер газосборного пункта (УКПГ их стали называть позже. – Прим. авт.).

– Еду! – Никоненко рванул на промысел. В диспетчерской на приборном щите тревожно вспыхивали и гасли лампочки технологической схемы. Начал анализировать ситуацию. Она ухудшалась с каждой минутой.

– Разорвало трубу у озера, – ворвался в диспетчерскую сменный инженер.

– Фонтанные ёлочки перекрыли?

– Да, успели.

– Немедленно пускайте на факел газ, находящийся на очистке...

Ликвидировали аварию быстро, за сутки. Дело было осенью – холод, слякоть. Слесари и сварщики работали без отдыха и перекуров. Никоненко распорядился организовать для них горячее питание, а по завершении работы выделил из спецзапаса по 150 граммов для сугрева.

А как-то пришлось Никоненко вспомнить и навыки монтажных работ, полученные в молодости. Дело было зимой. Из-за 50-градусных морозов застопорился запуск котельной. Не смогли монтажники закрутить несколько последних гаек – ломался металл, люди выбились из сил. Иван Спиридонович вдвоём с начальником комсомоль-

ско-молодёжного строительного управления Мандриченко, отпустив смену на отдых, разожгли факел и уже глубокой ночью сумели всё-таки справиться с этими последними упрямыми гайками и закончить работу.

Приходилось и людям «гайки заворачивать», но никто и никогда не может сказать, что Никоненко срывал на подчинённых свой гнев, выплёскивал на них раздражение, скажем, получив нагоняй от начальства. Тем более он никогда не унижал человеческого достоинства. Он не кричал, не топал ногами на нерадивого работника, но, не повышая голоса, мог сказать, что он о нём думает, да так, что провинившийся готов был сквозь землю провалиться и стать передовиком производства. За это его и уважали, да и, чего стесняться, любили.

Все дороги вели в Надым

В начале семидесятых начал чувствовать Никоненко какую-то неудовлетворённость, словно чего-то не хватало. Хотя, если проанализировать с точки зрения человека прагматичного, рационального, всё у него сложилось отлично: чётко, как швейцарский хронометр, работающий промысел, хорошее жильё в замечательном посёлке Светлый, красивее и уютнее которого не было на сотни вёрст в округе. Почёт и уважение – первую медаль в своей жизни «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» получил, лауреатом премии Тюменского обкома комсомола стал. В семье пополнение появилось: сын Володя родился. Сбылась затаённая мечта молодости – на Украине дожидался новенький «Москвич». Ну чего, казалось бы, человеку надо: живи и радуйся.

Долго боролся сам с собой Иван, но себе-то не соврёшь – тесно стало ему на Пунге, хотелось размаха, большого дела.

Такие грандиозные дела разворачивались на Ямале, там начиналось освоение Медвежьего и строительство Надыма.

Для перехода на новое место работы руководителю уровня Никоненко требовалось разрешение начальника Тюменгазпрома Евгения Алтунина. Евгению Никифоровичу, выпускнику Грозненского нефтяного института, блестящему специалисту и талантливому руководителю, было всего тридцать пять лет, когда он с благословения заместителя министра нефтяной промышленности С.А. Оруджева и министра газовой промышленности А.К. Картунова организовал и возглавил новую структуру, о которой вскоре узнали по всей стране и за её пределами. Поэтому он всегда поддерживал молодых, перспективных специалистов, способствовал их росту.

Когда Никоненко при первой же встрече с Алтуниным попросил разрешения перейти на Медвежье, Евгений Никифорович не стал возражать.

Заручившись согласием руководства, Иван рассказал об этом директору только что созданного производственного объединения «Надымгазпром» Владиславу Стрижову, встреченному вскоре в саляхардском аэропорту. Никоненко тогда возвращался из Тазовского, где помогал ликвидировать серьёзную аварию, в Игрим.

– Хочу к вам на Медвежье проситься. В главке вроде не возражают.

Владислав Владимирович внимательно и оценивающе посмотрел на Никоненко сквозь толстые линзы очков:

– Слышал, что дело ты знаешь

и производственный опыт у тебя солидный. Но Медвежье – не Игрим. У нас другие масштабы, и всё, по сути, на грани эксперимента. Выбери время, приезжай в Надым, потолкуем.

Это было равносильно официальному приглашению, Стрижов попусту никогда ничего не говорил.

В Надым Никоненко прилетел один и с тяжестью на сердце – жена наотрез отказалась снова начинать всё с нуля и уехала с детьми на Украину.

В ноябре 1973 года Иван Спиридонович приступил к работе в новом качестве – руководителя производственно-диспетчерской службы по разработке и эксплуатации Медвежьего месторождения. Со Стрижовым разделили обязанности так: он вёл отношения с поставщиками, с областью, округом, работал с министерством, главком, занимался городом, а Никоненко – непосредственно производством. Начальник объединения полностью доверял своему новому помощнику во всём, что касалось добычи газа, хотя их мнения на производственные вопросы не всегда совпадали. Владислав Владимирович, как считали многие, был крутым мужиком, напористым, въедливым, очень упрямым, но профессионализм подчинённых и знание ими дела ценил и мелочной опекой не занимался. Он не признавал реверансов, был прямолинеен, резок. Романтик и альтруист, он полностью отдавался делу и от других требовал того же.

Его полной противоположностью был главный инженер объединения Юрий Топчев. Невысокого роста, мягкий по характеру, интеллигентный, эрудированный, доброжелательный, он на людях никогда не перечил Стрижову, но, оставаясь один на один, выдавал

правду-матку по полной программе своим громовым голосом, не вязавшимся с внешностью...

В то время первая УКПГ (номер два) уже вовсю работала, подавая газ в магистральный трубопровод Медвежье – Игрим – Серов. На очереди была следующая. За пять лет необходимо было построить и ввести в эксплуатацию восемь установок, пробурить сотни скважин. Объём работ был фантастическим, сроки – директивными и жёсткими, однако Никоненко чувствовал себя в этой обстановке как рыба в воде. От грандиозности задач захватывало дух, это было великое дело, которого он так хотел.

Снова неустроенный быт – комнатка в холодном общежитии, снова десятки километров по тундре в «газике» с брезентовым верхом, снова авралы и яростные споры со строителями и буровиками. Это с одной стороны. А с другой – величественные промыслы-гиганты, на глазах рождавшиеся в тундре, многокилометровые трубопроводы, гордость в глазах строивших их людей, захватывающее дух цветное безумие северного сияния... А главное – ощущение причастности к историческим событиям, к настоящему мужскому делу.

С первых же дней работы на Медвежьем Никоненко определил для себя самую главную цель – это подготовка квалифицированных кадров промысловиков. На месторождении применялось самое передовое оборудование как отечественного, так и зарубежного – в основном французского – производства, мало знакомое специалистам. Операторы, довольно быстро освоившие отечественную установку, на французской столкнулись с новыми принципами технологических процессов, контроля и управления, которыми без специальных знаний трудно

овладеть. Поэтому было решено на должности сменных инженеров, операторов да и слесарей КИПиА назначать толковых ребят с инженерными дипломами и прикреплять их к уже имеющим опыт работы на промыслах специалистам. Они начинали постигать процесс добычи и подготовки газа на практике ещё с процесса пуска наладки. Конечно, бывшим студентам, особенно тем, кто раньше не держал в руках молотка и гаечного ключа, приходилось нелегко при монтаже оборудования, наладке многочисленных приборов и средств автоматики, пуске кустов скважин, особенно в морозы. Однако такая школа – через гаечный ключ и пробник – позволяла молодым специалистам быстро и досконально изучить производство, обрести уверенность в своих силах.

Поставив молодых специалистов на первую импортную установку, Никоненко рассчитывал, что со временем, набравшись опыта, они возглавят последующие. Так оно и получилось. Зульфар Салихов, Марсель Исламов, Александр Фридман, Валерий Ремизов, Александр Маргулов, Владимир Битюков, Николай Рухленко и многие другие, начав с промыслов Медвежьего, выросли до крупных руководителей и организаторов газовой промышленности.

Он и сам был ещё молод – 35 не исполнилось, но в тех условиях и в той обстановке люди выросли быстро. Этому способствовали гигантские масштабы дела, высочайшая мера ответственности. Они были пионерами освоения беспрецедентных по запасам газоконденсатных месторождений, а первым всегда достаётся больше синяков и шишек. Но, как поётся в известной песне, «тот, кто не струсил и вёсел не бросил, тот землю свою найдёт».

Севера, севера...

Сильно ошибаются те, кто считает, что главной движущей силой для первопроходцев Севера были материальные блага. По сравнению с другими регионами страны, конечно, они зарабатывали больше. А если провести параллель с их коллегами, осваивавшими нефтегазовые месторождения Канады, Аляски или шельфы северных морей и получающими за два-три года столько, что хватало на всю оставшуюся жизнь, то зарплата наших северян за каторжный труд в экстремальных погодных и бытовых условиях была, можно сказать, копеечная.

Главной движущей силой было вышедшее сейчас из обихода и лексикона слово «энтузиазм». А ещё «надо» и «даёшь», звучавшие как призыв. «Надо!» – и водители неделю пробивались по снежной целине в ледяной полярной мгле, отдыхая по два-три часа в сутки. «Надо!» – и строители монтировали корпуса УКПГ и дома в пятидесятиградусные морозы. «Надо!» – и газодобытчики неделями пропадали на площадках строящихся и вводимых в эксплуатацию установок...

Зимой 1973 года в Надыме, в день проведения отчётно-выборной партийной конференции, где присутствовали руководители высокого ранга, взорвалась одна из печей в цехе для прокаливания поглотителя – твёрдого сорбента, применяемого для осушки газа, – на первой французской установке, введённой в эксплуатацию в июне. Никоненко срочно вылетел на вертолёте на УКПГ. После взрыва начался пожар, и люди носились полуодетые, с вёдрами и баграми. Если бы пламя перекинулось на технологические цеха, то могла произойти катастрофа. Вскоре огонь был потушен.

Наутро на установку прилетел руководитель французских шеф-монтажников Жак Петерсон. Он осмотрел разрушенный цех и горестно покачал головой:

– Это же сколько времени уйдёт на восстановление?

– Не горюй, – сказал ему Никоненко. – Строители уже начали действовать. Через неделю по временной схеме запустим.

– Это невозможно! – замахал руками француз.

Тем не менее за несколько дней и ночей рабочие демонтировали повреждённое оборудование, установили и подключили новое, восстановили здание.

– Это потрясающе, Иван! – восторгался Петерсон. – Я такого никогда не видел!

Что было удивительно для иностранца, являлось нормой жизни для Никоненко и его коллег. Такое было время, такие были люди. Они понимали без всякой агитации, что от них зависит газоснабжение страны, что в случае выхода из строя УКПГ подача газа прекращается, а ведь на нём работают заводы и фабрики, котельные в городах и посёлках страны. Больше, чем другие, эту высочайшую

меру ответственности ощущал руководитель ПДС Никоненко и его коллеги. Одному ему, может быть, и не выдержать такой груз, но у него были верные помощники, которые эту ответственность готовы были разделить, пойти за ним в любое время дня и ночи хоть в огонь, хоть в воду.

Одним из таких надёжных соратников был Рим Сулейманов – старший инженер ПДС, прибывший вместе с ним на Медвежье с Пунги. Никоненко заметил его ещё тогда, когда Рим, учившийся в Уфимском нефтяном институте, проходил практику на Пунгинском промысле. Уже тогда он выделялся среди других здравомыслием, стремлением познать до самых мельчайших нюансов процессы газодобычи, пытливым умом, серьёзным отношением к жизни и профессии. По окончании вуза Сулейманов получил распределение в «Игримгаз» и работал на промысле оператором, набираясь производственного опыта. «Из этого парня получится отличный специалист, а впоследствии и руководителем может стать довольно серьёзного уровня», – наблюдая за ним, подумал тогда Никоненко и с тех пор не выпускал его из виду.

Боевое крещение на промыслах Игрима, Пунги, Похромы, а затем испытание на прочность и профессиональную пригодность на Медвежьем прошли нынешние руководители производства и газовики с большой буквы Г.А. Ланчаков, В.Л. Сливнев, А.Г. Ананенков, В.В. Ремизов, В.С. Битюков, М.К. Исламов, З.С. Салихов, Л.С. Чугунов, С.Т. Пашин...

Огромную роль в создании Западно-Сибирского нефтегазового комплекса сыграли, безусловно, работники Миннефтегазстроя. Они были зачинателями и организа-

торами многих новых подходов в обустройстве месторождений, настойчиво отстаивали и внедряли в жизнь вместе с газовиками новые идеи. Они первыми высаживались на газовые плацдармы, строили УКПГ, промышленные объекты и жильё. Во главе строительных подразделений стояли талантливые, преданные своему делу специалисты и руководители: В.Б. Генин, Г.И. Рубанко, А.И. Наливайко, В.Ф. Кель, В.Ф. Лысюк, В.И. Тихонюк, В.Г. Завизион, В.Д. Чернышов, Ю.А. Струбцов, Г.И. Шмаль, Н.М. Ганиченко, Ю.А. Пермикин, В.П. Курамин, М.В. Чижевский, Н.С. Сидоренко.

В круговерти дел, проблем, забот, хлопот, больших и маленьких неприятностей и радостей незаметно пролетело пять лет. За этот сравнительно короткий период была проделана титаническая работа: на месторождении выросли корпуса девяти УКПГ, проложены четыре нитки магистральных газопроводов Медвежье – Пунга – Серов, радовал глаз красивыми зданиями юный город Надым, объединение «Надымгазпром» вышло на первое место в стране по добыче газа. На коллектив посыпались награды и почести. В 1975 году Никоненко был награждён орденом Ленина, а в 1978-м ему в числе двенадцати специалистов за вывод месторождения на полную проектную мощность была присуждена Государственная премия. В этом же году Никоненко был назначен первым заместителем, главным инженером объединения.

Постепенно затягивалась рана после окончательного разрыва с женой. Людмила наотрез отказывалась ехать к нему в Пангоды, а вскоре вышла замуж и поставила последнюю точку в их отношениях. Скучал, конечно, Иван

по детям – Вике и Володе, хотя и понимал, что в Харькове с матерью им лучше.

Долго бы он холостяковал, если бы не встретил обаятельную русоволосую свердловчанку Ларису. Она тоже была романтиком, ей всегда было мало достигнутого, а благополучие было на втором месте после интересного дела. Она приехала из родного, обжитого, уютного мира за мечтой – построить, как тогда писала пресса о Надыме, город под куполом. Эта мечта оказалась несбывшейся, но зато она нашла своё женское счастье в виде красивого, статного, мужественного и надёжного Ивана Никоненко. С тех пор они вместе.

Приказы не обсуждаются

Года не отработал Никоненко в должности главного инженера «Надымгазпрома», как новый поворот судьбы: приказом министра газовой промышленности его назначили директором вновь созданного объединения «Уренгойгаздобыча». Раздумывать, сомневаться, соглашаться или нет, было нельзя – приказы, как в армии, не обсуждались. Значит, опять всё с нуля, работа на износ, снова времянки вместо благоустроенного жилья, питаться когда придётся и чем придётся. Зато дело-то какое: запасы Уренгойского месторождения превосходят Медвежье в несколько раз, только доказанные составляют больше 5 триллионов кубометров! И это лишь по самому верхнему слою – сеноману. А ниже – валанжинские залежи, а ещё глубже – ачимовская свита. Да к тому же конденсат, нефть. Дух не захватывает? Такое дело ведь не всякому доверят! Примерно так спорил сам с собой Иван, когда осмысливал новое назначение.

Стрижов, узнав об этом, раскрыл карты:

– При обсуждении твоей кандидатуры было немало сомневающихся: а по росту ли Никону (тебя ведь так за глаза называют) уренгойская «одежка»? Ведь создать в голой тундре газопромысловый комплекс, да ещё и город построить побольше Надыма – невероятно сложная задача. А тут кредит доверия выдают в общем-то молодому инженеру. Болонка, пудель или доберман никогда не затравят волка. Тут нужен волкодав! И у людей так же – не каждый способен заломить большое дело. Только тот, кто по натуре, по природе своей волкодав. – Помолчав, Владислав Владимирович добавил уже другим, хитроватым тоном, широко улыбаясь: – А кого же я ещё мог рекомендовать? Уренгой – это о-о-чень большое дело, и я знаю, что с ним справишься. Ты – из породы волкодавов! Нутром чувствую. Знай это...

Никоненко в этот момент вспомнилось детство, встреча с волком и размышления матери о том, почему тот его не тронул, мол, своего почувствовал. А ведь Стрижову Иван об этом не рассказывал. Вот ведь как бывает.

Одновременно с назначением молодой руководитель получил и сверхсложную задачу. Ему предписывалось организовать поставки газа с Уренгоя за период, вчетверо (!) короче ранее запланированного. С учётом уренгойского газа уже верстались экономические программы страны. Он должен был совершить невозможное и не имел права ссылаться даже на объективные обстоятельства. А их даже на первый взгляд было хоть отбавляй. В декабре 1977 года на площадке первого промысла строители только вышли за нулевой цикл.

Там было смонтировано лишь два адсорбера. Большая часть оборудования находилась на Медвежьем, поскольку зимник только-только подготовили. Не хватало техники, людских ресурсов. Их нужно было срочно увеличить вдвое, а жилья катастрофически не хватало. Уже приехавшие жили в балках, землянках и палатках. Сюрприз преподнесла здешняя почва: не шли сваи в мерзлоту. Она здесь была какой-то особенной, вялой, и пока не поняли, как с ней обращаться, потратили много драгоценного времени.

Тем не менее Никоненко был полон решимости любым способом добиться успеха. И первым делом распорядился снять с видного места яркий плакат-призыв «Уренгой – темпы Медвежьего!» Тем самым он дал понять, что это его не устраивает. Темпы должны быть в два раза быстрее. Он решил добиться невиданного в мировой практике ускорения темпов и пошёл ва-банк. Его решимость основывалась на приобретённом уже опыте, уверенности в своих силах и вере в тех людей, которые были с ним рядом. Осваивать Уренгой с Медвежьего приехали самые лучшие кадры. Не поскупился Стрижов, как и обещал, отпустил к нему лучших операторов Захаренкова, Хворостянову, Чернову, талантливых инженеров Сулейманова, Пашина, Сливнева, Маргулова, Губина. Ещё раньше, в 75–76-м, сюда были направлены из Надыма для обеспечения посёлка газом и организации Уренгойского газопромыслового управления в структуре «Надымгазпрома» инженеры Денисенко, Салихов, геолог Шаропова, операторы Кокоулин, Князева, Гагарина, Амельченко и другие классные специалисты во главе с Юрием Ивановичем Топчевым. По вызову Никоненко приехал из

Харькова Пётр Гереш – геолог от Бога, с которым дружили и вместе работали ещё на Шебелинке.

Достижение поставленной задачи требовало нестандартных подходов и средств. Способы строительства, технологии производства, масштабы освоения – всё было не таким, как раньше. Экстремальная ситуация требовала столь же экстремальных решений. Во-первых, было необходимо жёсткое, волевое еженедельное планирование всей работы и не менее серьёзный контроль хода её выполнения; во-вторых, было решено пусконаладочные работы вести параллельно со строительными-монтажными; в-третьих, на объектах должна быть полувоенная дисциплина и порядок.

На совещании с представителями министерства, главка, Тюменского обкома партии в начале января 1978 года Никоненко доложил, что при условии помощи сверху и концентрации всех сил и средств первую установку можно запустить в апреле. После этих слов в зале повисла пауза. Многие с любопытством смотрели на смельчака, бравшего на себя неизмеримо высокую ответственность, ведь в случае провала не сносить ему головы. Заявление начальника объединения с одобрением воспринял первый секретарь обкома партии Геннадий Богомяков:

– Отличный получится трудовой подарок стране ко дню рождения Ленина!

Так и было записано в решении совещания: «Обеспечить ввод в эксплуатацию первой очереди газового промысла № 1 Уренгойского нефтегазоконденсатного месторождения к 22 апреля 1978 года».

Теперь пути назад уже не было.

Штурм Большого Уренгоя

С первых же дней был создан штаб, куда вошли руководители всех основных организаций: газовики, строители, буровики, линейщики, транспортники, представители научно-исследовательских институтов, энергетики, снабженцы... И начался штурм. Уренгой зазвучал на всю страну. Наступление развернулось по всему фронту. Колонны машин доставляли по зимникам строительные материалы и оборудование из Надыма и с речного причала на реке Пур. С полной нагрузкой работал аэропорт Ягельный, принимая и отправляя до сорока большегрузных самолётов в сутки, доставлявших на великую стройку экскаваторы, бульдозеры и другую тяжёлую технику.

На стройку постоянно прибывало пополнение. Прямо со съезда комсомола приехал в Уренгой ударный отряд будущего депутата Верховного Совета СССР Павла Баряева, сказавший своё веское слово в обустройстве месторождения и строительстве города.

Полным ходом шли строительные-монтажные работы на площадке УКПГ. Вместе со строителями день и ночь трудился уже скомплектованный персонал установки. Вопреки всем правилам рабочие приступили к пусконаладочным операциям ещё в ходе монтажа оборудования. Параллельно шла обвязка скважин, монтировались шлейфы, в ударном темпе разбуривались кусты, вёлся монтаж газопровода до Надыма, линий электропередачи.

Большую помощь строителям и газовикам оказали руководители Миннефтегазстроя и Мингазпрома С.А. Оруджев, А.К. Картунов, В.А. Динков. Пройдя по служебной лестнице от рабочего до министра,

они блестяще знали специфику производства и были инженерами самого высокого класса. Все они не любили кабинетный стиль руководства и довольно часто бывали на Уренгое, как до этого на Игриме, Пунге, Медвежьем и других больших «полях сражений». Им невозможно было втереть очки, выдать желаемое за действительное. Если кто-то из них обнаруживал халатность, недобросовестность, необязательность, гнев был суров, наказание неотвратимо. Разумная инициатива, даже несанкционированная, но приводящая к успеху, оправданный риск, дерзкие, нестандартные решения, наоборот, вызывали одобрение и поддержку.

Иван Спиридонович и его соратники сдержали обещание: 22 апреля первая установка на Большом Уренгое была готова к запуску. В этот исторический день был проведён торжественный митинг, в котором приняли участие газовики, строители, гости, журналисты. Когда он подходил к концу, к воротам установки подошла группа лыжников из Надыма. Четверо суток они бережно несли факел, зажжённый по инициативе Стрижова на первом промысле Медвежьего. Начальник УКПГ Сергей Пашин по команде Никоненко открыл с диспетчерского пульта задвижки, и газ Уренгоя устремился в цеха, а оттуда – по магистральному трубопроводу в центр страны. На верхушке главного промыслового факела, подождённого от огня Медвежьего, затрепетал на ветру огромный красно-голубой цветок пламени, не гаснущий и по сей день.

В Москве не сразу поверили, что первая уренгойская установка введена в эксплуатацию за такой короткий срок – двенадцать месяцев вместо нормативных двадцати восьми, но факт остаётся фактом: первые миллионы кубометров газа

мчались по стальной артерии на запад, и с каждым днём этот поток становился всё мощней. Через три месяца первенец Большого Уренгоя был выведен на проектную производительность. В первый год разработки страна получила дополнительно более девяти миллиардов кубометров газа отличного качества.

А штурм газового плацдарма продолжался. Причём темпы не только не остались на прежнем уровне, они ускорились. К концу 1978 года вводится в эксплуатацию вторая установка, во главе строительства которой был талантливый инженер и организатор, волевой и фантастически трудоспособный соратник Никоненко Григорий Ланчаков. Благодаря этому в следующем году разработки месторождения в магистральный трубопровод было отправлено уже 23 миллиарда кубометров газа. Опять победа, и опять наверху сомневаются в том, что это могло быть сделано всего за семь-восемь месяцев. Но это чудо было рукотворным. Люди поверили в свои силы и возможности и совершали то, что раньше казалось нереальным. Этим отчасти и объясняется уренгойский феномен. Но не только этим. Руководил освоением Большого Уренгоя человек, для которого это было делом чести и главным делом жизни.

Журналисты придумали новое название его должности – директор Уренгоя. Это означало, что он отвечал не только за добычу газа, обустройство гигантского месторождения, но и за строительство города и его жизнеобеспечение. В течение дня Никоненко встречали на газовых промыслах, строительных площадках, в железнодорожных тупиках, в горкоме парии и горисполкоме. Он мог нагряться в рабочую столовую и поинтересоваться, довольны ли люди ка-

чеством пищи, а мог приехать в ЗАГС или на свадебное торжество, чтобы поздравить молодожёнов. Старожилы до сих пор вспоминают: после того как в городе появились первые улицы с бетонным покрытием, директор выпросил в Москве новенькую «Чайку» для новобранцев. В то время на таких машинах ездили по столице только члены правительства.

Часто бывая на объектах, он не занимался мелочным опекуном. Иван Спиридонович поставил дело так, что люди не нуждались в указаниях сверху, они хорошо знали свои задачи и понимали меру своей ответственности. Он предоставлял подчинённым полную свободу действий, чтобы они раскрывали свои потенциальные возможности, реализовывали способности, работали творчески. И тогда сразу было видно, кто специалист, настоящий инженер, а кто просто высидел в институте диплом, кто пришёл на эту землю как хозяин, а кто – по-быстрому урвать длинный рубль, не думая о том, что будет после. Личное инспектирование хода обустройства, беседы со специалистами давали ему полную информацию, реальную картину обстановки на промыслах, на строительстве городских объектов, чтобы выстраивать дальнейшую стратегию. В народе его называли «железный Иван». Многие удивлялись его работоспособности, пристрастию к дисциплине и порядку, настойчивости и целеустремлённости. Там, где он был уверен в своей правоте, Никоненко шёл до конца, как правило, победного.

Близилась к завершению строительно-монтажные и пусконаладочные работы на одиннадцатом промысле, но УКПГ нельзя было запускать. Поблизости не оказалось стабильного источника

водоснабжения, а строителям не хотелось тянуть 20-километровый водовод от речки Табьяхи и строить водозаборные сооружения. В этом случае они не укладывались в сроки, а значит, теряли премиальные и другие лавры. Главный инженер Главуренгойгазстроя Владимир Игольников доказывал, что вода есть в скважине, которую пробурили рядом с установкой, но когда запустили насос, он её опустошил за полчаса, видно, попали не в водяной пласт, а в мерзлотную ледяную линзу. Игольников и не думал сдаваться. Он стоял на том, что воду дешевле будет возить на машинах. Никоненко доказывал, что на весь Уренгой всего одна водовозка, и пока в минус пятьдесят доездишь по бездорожью воду до УКПГ, она замёрзнет. В общем, спорили долго, дошло до яростных схваток, несмотря на то, что Игольников и Никоненко были в дружеских отношениях ещё с Пунги. О задержке ввода установки узнал заместитель председателя Совета Министров Борис Евдокимович Щербина, курировавший топливно-энергетический комплекс страны. Прилетев в Новый Уренгой, он осмотрел цеха, ознакомился с ситуацией, счёл доводы газодобытчиков обоснованными, выдал «всем сестрам по серьгам» и приказал срочно строить водовод и водозабор. С тех пор и пошла гулять по Уренгою поговорка, пущенная скорее всего строителями:

– Бойся коровы спереди, лошади – сзади, а Никоненко – со всех сторон!

Ещё в Надыме появилась традиция устраивать своеобразные инженерные посиделки. Вечерами, когда спадала горячка рабочего дня, он раскладывал на столе для совещаний в своём кабинете чертежи, документацию и начинал ку-

мекать, где и как можно упростить схему монтажа, технологические процессы, одновременно повысив эффективность работы. К нему на огонёк постоянно заходили коллеги, и они вместе совершали мозговую атаку, или, как они сами иронично называли, «вечерний трёп». Шутки шутками, но результатом такого «трёпа» стали только на Медвежьем двадцать пять миллионов сэкономленных рублей. В пересчёте на новые деньги это миллиарды.

Та традиция сохранилась и на Уренгое. Здесь собралась большая когорта перспективно мыслящих инженеров-практиков, которые постоянно находились в поиске новых способов увеличения темпов (в четыре раза быстрее им уже было мало) обустройства месторождения и повышения эффективности работы оборудования путём внесения в их схемы конструктивных изменений. Именно здесь раскрылись в полной мере как учёные-производственники Р.С. Сулейманов, Г.А. Ланчаков, Н.В. Денисенко, А.Г. Заворыкин, Н.В. Четвергов, Н.И. Дубина, В.М. Губин, А.Р. Маргулов, Л.М. Гарифулин, Б.С. Ахметшин, А.А. Ахметов. В общем, инженерная мысль в производственном объединении, что называется, била ключом и приносила вполне осязаемые результаты. УКПГ, причём все отечественного производства, строились за полгода, они стали более компактными, технологичными и производительными. Во многом благодаря Никоненко и его инженерному корпусу проектные институты провели ревизию своих же объектов и нашли возможность намного сократить объёмы строительно-монтажных работ, что дало стране огромную экономию.

Если с обустройством месторождения дело, хоть и непросто, ладилось, то в строительстве го-

Вручение награды.
Иван Никоненко и Алексей Миллер

рода всё было намного сложнее. Производство расширялось, и каждый месяц в Новый Уренгой для работы на промыслах, в городском хозяйстве, в больницах, учреждениях культуры приезжало до тысячи специалистов. Их нужно было обеспечить жильём, детскими садами, школами и т. д. Ситуация выглядела удручающе печальной: на 65 тысяч жителей имелось 600 тысяч квадратных метров жилья (78 процентов от норматива), 2400 мест в детских садах (41 процент), 4402 места в школах (45 процентов), больниц и поликлиник и того меньше – 20–30 процентов. Нормального кинотеатра, не говоря уже о Дворце культуры, в городе вообще не было.

Выравнивание диспропорции между обустройством месторождения и строительством города шло очень медленно. На финансирование объектов соцкультбыта

выделялось мизерное количество средств, поскольку Новый Уренгой изначально создавался как вахтовый посёлок. Руководителю объединения и его соратникам – первому секретарю горкома КПСС Евгению Козлову, сменившему его на этом посту Геннадию Олейнику, председателю горисполкома Алимю Дыбрину – приходилось стучаться в двери различных инстанций, но безрезультатно. Больничный комплекс, кинотеатр, школы, детские сады, даже роддом безжалостно вычёркивались из строительных планов. Приходилось идти на ухищрения, чтобы хоть как-то решать проблемы соцкультбыта. Так, например, клуб «Факел» был проведён по документации как строительный ангар, а «Строитель» – как склад сыпучих материалов. Первая уренгойская школа была вообще переоборудована из помещения полевой испытательной лаборатории. Подобные меры, хотя отчасти и решали проблему обеспечения города социальными и культурными объектами, были для руководителей объединения и города чреватые серьёзными последствиями, вплоть до снятия с должности и лишения партбилета.

В 1985 году – всего за семь лет! – Уренгойское месторождение вышло на проектную мощность. Оно давало в год более трёхсот миллиардов кубометров газа (для сравнения: нынешняя ежегодная добыча всех предприятий ОАО «Газпром» составляет около 550 миллиардов).

На очереди был Ямбург

В мае того же года Иван Спиридонович первым среди руководителей предприятий газовой промышленности был удостоен звания Героя Социалистического

Труда «за выдающиеся производственные достижения и личный вклад в выполнение планов добычи и поставки газа», как говорилось в Указе Президиума Верховного Совета СССР.

«Вот бы мама порадовалась за сына, если бы могла это видеть», – подумал Иван Спиридонович в тот момент, когда получал высшую награду страны в Кремле. В самые трудные минуты жизни, когда даже ему, «железному» Ивану, становилось худо от усталости, неприятностей, бесконечных проблем, груза ответственности, он закрывал глаза и представлял милую сердцу Андреевку, крутояр над рекой, стадо коров, неторопливо идущее с пастбища. Ему слышалась звонкая соловьиная трель, шелест листьев старого клёна, растущего в их усадьбе. Он мысленно заглядывал в маленькое окошко и видел маму, сидящую за столом, освещённую неровным, пляшущим пламенем керосиновой лампы и что-то записывающую старенькой перьевой ручкой в тонкую школьную тетрадь. Однажды в детстве он полюбопытствовал, что она пишет. Она что, писатель?

– Великое это дело, сынок, про жизнь свою помнить, – сказала тогда Анна Прокофьевна. – А самое трудное – это испытание самой жизнью. Она звон как испытывает! Едва успеваешь дух перевести. Но главное – выдержать эти испытания, не сломаться. Какой из меня, сынок, писатель, малограмотная больно. Карябаю как могу. Может, кому и стодится. Может, кто про мою жизнь узнает и про свою вспомнит.

Эти немудрёные мамини слова запали в душу Ивана. Сколько их, этих испытаний, выпало на его долю – не перечить. Если бы мама знала, сколько её сын пережил, сколько казавшихся непреодоли-

И. Никоненко - первый замначальника Тюменьгазпрома

мыми барьеров осилил, сколько толстенных стен непонимания, тупости, бездушия разрушил, каких успехов добился, сколько сделал для людей и для страны, она бы, конечно, была безмерно счастлива и гордилась им...

С 1986 года начался у Никоненко новый этап жизни. Рем Иванович Вяхирев, назначенный начальником Тюменьгазпрома и одновременно заместителем министра газовой промышленности, предложил Ивану Спиридоновичу должность своего первого заместителя.

– Возьмёте на себя координацию работ по Ямбургу. Это сейчас самый важный и трудный участок, и кроме вас я другой кандидатуры на эту ответственную работу не вижу, – так мотивировал своё предложение Вяхирев. – Обустройством Ямбурга занима-

ется очень много организаций, а у семи нянек, как известно, дитя без глаза. У вас накоплен богатейший опыт по организации дел такого масштаба.

На этот раз согласился Никоненко перейти на новую работу без особых колебаний: во-первых, это значительный рост по службе, серьёзно расширяющий поле его деятельности, во-вторых, при его характере на уже отлаженном производстве не сиделось. Ну и, в-третьих, он мог со спокойной душой передать руководство всеми делами на Уренгое своему первому заместителю, главному инженеру Риму Султановичу Сулейманову – прекрасному специалисту, энергичному и авторитетному руководителю, своему соратнику и другу, который к тому времени вполне созрел для должности генерального директора крупнейшего в стране газодобывающего предприятия.

Так же энергично и активно Никоненко взялся за новое дело. В конце 1986-го первая ябургская УКПГ дала газ, шёл монтаж следующей, разбуривались широким фронтом скважины, строился вахтовый посёлок. Освоение Ямбурга – эпопея не менее героическая, чем уренгойская и медвежьинская. Главными трудностями, которые ожидали здесь первопроходцев, были ещё более суровый климат с сильными геомагнитными колебаниями, отсутствие межмерзлотных вод для питьевого водоснабжения, карьеров для отсыпки дорог, кустовых площадок и другие «преlestи».

Большие дебаты шли о методе освоения и эксплуатации нового месторождения. Одни, главным образом руководители Тюменской области, настаивали на строительстве ещё одного города, другие, к числу которых

относился и Никоненко, были за вахтово-экспедиционный метод. Аномальный климат не позволял людям постоянно там находиться длительное время без ощутимых последствий для здоровья. Нет ничего хорошего, конечно, и в вахтовом методе, при котором людям приходится менять климатические условия каждые месяц-два, летая на работу из европейской части России, но, к сожалению, северные города, расположенные в более щадящих условиях, не могли в силу жилищной проблемы обеспечить новый огромный газодобывающий комплекс людскими ресурсами.

Пока шли споры, на берегу Обской губы рос вахтовый посёлок. Он застраивался купленными за валюту в Финляндии жилыми трёхэтажными модулями, соединёнными между собой тёплыми переходами. В компактном, тёплом и светлом комплексе было предусмотрено всё необходимое для проживания и досуга вахтовиков.

В общем, дела на Ямбурге ладилась. У руля там стояли опытные капитаны, имеющие медвежьинскую и уренгойскую школу и закалку: С.Т. Пашин, А.Р. Маргулов, Р.А. Кантюков, а позднее А.Г. Ананенков, Л.П. Андреев и другие «зубры» газодобычи.

И вскоре Никоненко снова почувствовал дискомфорт. Он долго не мог понять причину, его вызывавшую: по-прежнему дел невпроворот, всё хорошо в личной жизни, но что-то гнетёт. Потом как озарило: он чувствовал себя как генерал без армии, а исполнять функции инспектора, без которого вполне можно обойтись, – это противоречило его характеру. Всё чаще стала закрадываться мыслишка: не пора ли «завязывать» с Севером, ведь ему

скоро пятьдесят, а если каждый год освоения Игрима, Медвежьего, Уренгоя, а теперь и Ямбурга посчитать хотя бы за полтора, то набегает ого-го какая цифра. Да и здоровье уже не то, хотя сил ещё хватает, было бы дело по плечу. А вот подходящего ему по масштабам дела на Тюменском Севере уже не было. Долго маялся, метался по кабинету, мерил его шагами Никоненко, пока не пришли на память слова матери об испытании жизнью. А может, это новое испытание, новый этап и нужно преодолеть и его?

Автоматизация – веление времени

Так и случилось. Памятуя об его специальности по образованию – автоматизация производственных процессов – и практическом опыте, руководство отрасли в 1987 году предложило ему должность главного инженера Всесоюзного научно-производственного объединения «Союзгазавтоматика». Напутствуя на новую должность, Рем Иванович Вяхирев сказал очень коротко, но как всегда ёмко:

– Это хорошо, что ты в «Газавтоматику» согласился пойти главным инженером. Наукой, конечно, надо заниматься, но всё должно быть в меру. Они там в последнее время что-то занеучились, от реальных потребностей газового производства оторвались. Вот ты и помоги объединению на истинный путь выйти. А свою поддержку я гарантирую...

Так началась московская эпопея Ивана Спиридоновича Никоненко, продолжающаяся уже два десятка лет.

На новом месте Никоненко освоился довольно быстро, ведь в нём удачным образом сочетались практик и учёный. Ещё на Пунге он

начал задумываться о том, как на опасном газодобывающем производстве, расположенном в основном в зоне экстремального климата свести к минимуму количество персонала. Эта идея называлась условно «промысел на замке», то есть управляемый автоматикой. Много для этого удалось сделать, но и сегодня работы в этой сфере непочтатый край.

С самого начала бурного развития газовой отрасли, в 70–80-е годы, был взят курс на интенсификацию производственных процессов и наращивание объёмов добычи. Вопросы же автоматизации управления технологическими объектами долгое время оставались

«Газавтоматика»), был взят курс на последовательную комплексную автоматизацию всех уровней производственной и управленческой деятельности отрасли. Это стало возможным только при условии глобальной переориентации деятельности объединения. И она произошла, несмотря на то, что не все были его сторонниками. За долгие годы у многих специалистов, удобно себя чувствовавших под мощным крылом Мингазпрома, сложился стереотип: мы разрабатываем, а кто будет внедрять и будет ли вообще – не наше дело. Зарплата-то идёт...

Но надо знать Никоненко, привыкшего всегда добиваться

Газовая отрасль: какой ей быть?

на втором плане, откладывались на потом. Отчасти из-за этого перекоса сотрудники объединения в основном занимались научной деятельностью, мало имеющей отношения к насущным проблемам производства.

В 1991 году, когда Никоненко стал руководителем объединения «Союзгазавтоматика» (позже, с развалом СССР, часть названия отпала, и оно стало именоваться ОАО

поставленной цели. За несколько лет в условиях экономического и политического хаоса в стране он и его соратники ещё по работе на Севере М.А. Балавин, В.С. Мартынов, В.С. Битюков и другие сумели не только сохранить объединение и его лучший кадровый потенциал, но и превратили его в современное, динамично развивающееся, конкурентоспособное, крепко стоящее на ногах предприятие.

Развитие газовой индустрии – государственная задача

С приходом к руководству «Газпрома» А.Б. Миллера – разносторонне образованного, прогрессивно мыслящего менеджера высочайшей квалификации – был продолжен курс на техническое переоснащение отрасли с применением высокоэффективного оборудования, характеризующегося надёжностью и экономичностью, высоким уровнем автоматизации, технического ресурса и экологической безопасности. В решении этих приоритетных задач развития газовой индустрии роль ОАО «Газавтоматика» трудно переоценить...

Двадцать лет – как один день

За окнами кабинета Ивана Спиридоновича в центральном офисе «Газавтоматика» на Саввинской набережной тихо угасал мокрый октябрьский день. Он был заполнен привычной каруселью больших и малых дел, решением неотложных вопросов и разруливанием спорных ситуаций, массой телефонных звонков. Ближе к вечеру заглянул, чтобы поинте-

ресоваться планами на завтрашний день, верный и надёжный помощник Эрнест Маркович Тэрк, с которым они плечо к плечу прошли по тернистой дороге становления объединения. Когда все вопросы были решены, он попросил своего незаменимого секретаря Людмилу Алексеевну, верой и правдой работающую с ним уже больше пятнадцати лет, приготовить чай.

Когда она принесла большую чашку ароматного горячего напитка, Иван Спиридонович с благодарностью и теплотой взглянул на неё:

– Идите отдыхать, Людмила Алексеевна. Напряжённым был день. А я ещё поработаю с бумагами в спокойной обстановке.

Через час, покончив с делами, Никоненко вышел из-за стола, потянулся всем своим большим и ещё крепким телом, разминая мышцы, и подошёл к окну. Ветер трепал кроны деревьев, сдувая с них последние листья, дождь плакал, размазывая слёзы по стеклу, неспешно несла свои грязно-серые воды Москва-река, бесновались огни рекламы, бегущие по кры-

шам зданий на противоположном берегу.

Закончился ещё один суматошный день из двадцати лет его московской жизни. Он давно мог бы позволить себе отойти от дел (шутка ли, пятьдесят лет трудового стажа!) и жить-поживать в своё удовольствие с любимой женой Ларисой вдали от городской суеты и стрессов. Дети Вика, Володя, Сергей давно уже прочно стоят на ногах. У него шесть чудесных внуков: два Ивана, две Кати, Владислав и Ярослав обожают своего деда. Для них он – не только человек, которого они очень любят и которым гордятся, но и старший товарищ, мудрый и всё понимающий наставник.

Многие просто мечтают о достижении пенсионного возраста. Многие, но не он. Для Никоненко работа – это жизненная функция. Если он не работает, то не ощущает в себе никакой жизни.

Иван Спиридонович взглянул на часы, подумал: «Скоро одиннадцать. Пора домой. А то опять достанется от Ларисы».

Несмотря на поздний час, московская жизнь продолжала бурлить, разве что движение поспокойнее стало. Мелькали за окнами машины дома, офисы, сверкающие роскошными витринами магазины отражались разноцветьем в лужах. Дождь, закончившийся час назад, опять припустил во всю ивановскую.

– А в Уренгое уже зима и снег белый-белый аппетитно хрустит под ногами, – подумал Никоненко.

– Что вы сказали, Иван Спиридонович? – спросил водитель Юра.

– Да нет, ничего, – рассмеялся Никоненко. – Это так, мысли вслух. Ты знаешь что?.. Притормози у цветочных рядов. Надо Ларисе Семёновне цветы купить... ❖